

Женщины в осажденном Смоленске

АДРИАН СЕЛИН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский кампус, aselin@hse.ru

Abstract: The article demonstrates how the documents that appeared in Moscow provincial offices during the Time of Troubles can provide information on “Women’s History”. The lack of data on “Women’s History” in peaceful periods stands in contrast to such epochs of crisis as the early seventeenth century. Women in 1609–1611 Smolensk appear to have been active participants in different spheres of day-to-day life: in the struggle for food and other grants from local governors, in crime and punishment. They wrote letters to relatives living far from Smolensk. A comparison of women from Smolensk with their contemporaries from Novgorod shows that the traits of crisis, which were much more pronounced in Smolensk, made the challenge of making everyday choices very sharp and cruel. Those who dwelt in the besieged city of Smolensk, surviving on minimal resources, were forced to wait for the collapse of the military adversary. Very often, women were separated from their husbands and totally cut off from the land estates that could have supplied them with food and goods. The situation was much harder for the wives of gentlemen than for townswomen.

Keywords: Time of Troubles, Smolensk, Smolensk Archives, “Women’s History”

«Женская» история XVII века – тема важная и неисчерпаемая. Элисабет Лёфстранд, анализируя документы Новгородского оккупационного архива, очень точно показала, что для московской деловой письменности XVI – начала XVIII вв. обилие женских имен в текстах источников – это признак кризисных явлений, даже трагедий, существующих в

обществе.¹ Действительно, женщины в источниках этого времени – это вдовы и сироты, «мерцающие» на страницах письменных памятников, после чего часто «уплывающие» безмянно на рынки Новгорода, где, как – наверняка преувеличивая – писал современник, можно было купить женщину или девушку за бесценок.

Новгородский пример, разумеется, может быть широко распространен на другие районы Московского царства эпохи Смуты. Многочисленные женщины, известные в это время, включая первую венчанную на царство царицу Московскую Марину Мнишек – признак царившей в обществе атмосферы несчастья. Но можно посмотреть на это и с другой стороны. Именно кризисные эпохи дают то многообразие источников, которое позволяет говорить об обществе значительно более полно, нежели источники благополучных лет, когда вдов и сирот на страницах памятников ничтожно мало. Я предлагаю небольшое обозрение женских судеб осажденного Смоленска 1609–1611 гг., сделанное на основе документов Смоленской приказной избы. Исследование этих документов – часть проекта по описанию «Смоленского архива», хранящегося в Государственном архиве Швеции (Svenska Riksarkivet).

Ситуация, в которой оказались женщины осажденного Смоленска имеет, разумеется, сильное сходство с той, что зафиксирована документами Новгородского архива. Падение Смоленска после многомесячной осады войсками короля Сигизмунда III произошло примерно за месяц до того, как генерал Якоб Делагарди захватил Новгород. Но письма женщин из осажденного Смоленска своим мужьям, которые находились в разных других областях Московского государства – это источник, не имеющий аналогий в новгородском материале.

Впрочем, о судьбе женщины в осажденном городе есть данные и в Новгородском архиве. Такие пережившие осаду, со всеми ее лишениями, женщины оставались запертыми войсками Класа Сланга в Орешке (Нотебурге). Вдова помещика Антония Чортова Мавра обратилась 30 октября 1611 г. к новгородским властям с просьбой пожаловать ее поместьем своей умершей дочери Натальи: «Смилуйтесь, государи бояре, пожалуйте меня, горкую вдову, не велите у меня отнять мужа моего выслуги ста четвертей, а иным, государи, нашим сестрам вдовицам, дают на прожиток из мужей своих поместья по сту четвертей и болши, а за меня было, горкую вдовицу, побити челом некому!...». Вдова Мавра ничего не написала в своей челобитной о том, что писала она в Новгород, где существовало правительство Якоба Делагарди и князя

---

¹ Лёфstrand Э. Женские судьбы Смутного времени // Альманах «Чело». В. Новгород, 2003. № 1. С. 69–75.

И. Н. Большого Одоевского в тот момент, когда сама находилась в осажденном шведами Орешке, в стане политических противников.²

Разумеется, такие обороты, как «горькая вдова», были стереотипными для лексики челобитных и могли как отражать реальность, так и служить стилистическим штампом. То же можно сказать, разумеется, и о структуре личных писем, которые в значительном количестве сохранились в составе «Смоленского архива» – все они написаны с учетом бытовавших письмовников.³

Мной собраны данные о 325 женщинах, живших в 1609–1611 гг. в осажденном Смоленске. Это посадские «жонки» – вдовы жителей смоленского посада, стрельчихи, попадьи и поповны, а также множество помещиц, бросивших свои сельские усадьбы и уехавших, спасаясь от «литвы», под защиту крепостных стен Смоленска с минимальным скарбом (по-смоленски – «статками») и жены, и дочери дворян из соседних городов – Вязьмы, Рославля, Дорогобужа, Серпейска и Брянска.

Специально месту женщины в смоленском обществе во время осады 1609–1611 гг. посвящена статья А. М. Молочникова. Данные, легшие в основу данной статьи, по сути дела идентичны тем, что использованы мной. Но автор пошел несколько по иному, более традиционному пути: он анализирует те или иные аспекты обороны, которые сыграли свою роль в женских судьбах, не ставя цели исследования всех известных по источникам женских биографий. Очень важным является наблюдение Молочникова о том, что у женщин «сложилось свое, отличное от мужского, представление о той исторической войне, в центре которой они поневоле оказались».⁴

Патерналистская власть смоленского воеводы (практически – диктатора осажденного города) боярина М. Б. Шеина стремилась путем экстраординарных мер наладить снабжение жителей продуктами первой необходимости – хлебом и солью, за счет государственных запасов, рассчитывая норму выдачи по числу едоков в каждом домохозяйстве. Если оценить списки таких хозяев в сентябре 1610 г. (то есть в начале второго года осады), то значительную часть их будут составлять женщины – жены и дочери убитых или отсутствующих в Смоленске слу-

² Дело по челобитью о поместье сына боярского Водской пятины Дмитрия Иванова сына Тыркова. 1611. 30.04–1613. 6.03 // Riksarkivet. Ockupationsarkivet från Novgorod (далее в сносках RA. NOA). Serie 2: 138.

³ Демин А. С. Вопросы изучения русских письмовников XV–XVII вв. (из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русского языка и литературы АН СССР. Т. 20. 1964. С. 90–99.

⁴ Молочников А. М. Осадные сиделицы: женщины в Смоленской обороне 1609–1611 годов // Valla. Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований. 2016. Т. 2. № 3. С. 68–75.

жилых людей.⁵ В этом смысле смоленские материалы дают подчас гораздо более полную информацию о составе и населении дворов в Смутное время, а также о том, каким объемом продуктов могли распоряжаться такие неполные домохозяйства. В Смоленском архиве 1609–1611 гг. сохранились регулярные, предпринятые по инициативе власти переписи дворохозяйств, расположенных внутри Смоленской крепости. Администрация М. Б. Шеина делала это для «справедливого» (и централизованного) распределения скудных запасов провианта (прежде всего, хлеба и соли) из государственных (фактически – находившихся в распоряжении Шеина и его сотрудников) запасов. Фактически, пауперизация большого числа оказавшихся в городе людей давала в руки местной власти соблазнительный путь подчинения их через контроль и распределение централизованных ресурсов.

В сравнении: в Новгороде собственно обыватель не чувствовал такого мобилизационного порыва со стороны администрации ни в 1611–1614 гг., когда власть была разделена между Якобом Делагарди и кн. И. Н. Большим Одоевским, ни с осени 1614 г. и до вывода шведских войск, когда русская администрация была практически отстранена от управления. Причина, по всей вероятности, кроется в том, что на протяжении всего этого времени город не был отрезан от ресурсов, производившихся в сельской местности. Впрочем, централизованные раздачи продовольствия обнищавшим жителям Новгорода все же производились: к примеру, в сентябре 1613 г. хлеб был роздан 21 женщине из числа жен, сестер и матерей татар, воевавших под Тихвином.⁶ С 1614 г. такие раздачи велись за счет ресурсов, конфискованных у «изменников». Сколь-нибудь целостной информации о составе новгородских дворохозяйств в 1611–1617 гг. не сохранилось, хотя нет сомнений в том, что за каждым значимым по источникам новгородцев 1611–1617 гг. стоял двор, населенный многочисленными домочадцами: известно, что в челобитной, поданной 1 августа 1614 г., знаменитый дьяк Семен Лутохин жаловался, что «домишку моего сорок душ всякого человеку».⁷

Особым источником по «женской» истории осажденного Смоленска являются два письма смолянок своим детям и мужьям, служившим

---

⁵ Память смоленских воевод М. Б. Шеина и кн. П. И. Горчакова житничному подьячему Василию Ильину и целовальнику Трофиму Федорову о раздаче хлеба брянским и серпейским детям боярским и роспись хлебной раздачи. 1610 сентября 30 // Памятники обороны Смоленска. М., 1912 (далее в сносках ПОС). № 251. С. 216–220.

⁶ Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 г. // RA. NOA. Serie 1: 46. С. 9–10.

⁷ Челобитная дьяка Семена Лутохина о даче ему поместного или денежного жалования. 1614 августа 1 // RA. NOA. Serie 2:289. Л. 10, 7.

вдалеке, за пределами осажденного города. Мы с уверенностью можем говорить о том, что их письма не дошли до адресатов, хотя известно, что часто посылались несколько копий таких писем. Дворянка Татьяна Уварова писала своему сыну Игнатию Андреевичу Уварову о том, что уже четвертую неделю находится в осажденном Сигизмундом III Смоленске, куда пришлось бежать «душей и телом», то есть бросив в поместье все свое имущество, взяв с собой только две лошади – «конь да мерин рыжей». Т. Уварова жаловалась на то, что перед их бегством «люди» перестали их слушаться (видимо ввиду прихода королевских войск), из-за чего они оказались в городе без провианта. К этому же письму («грамотке») была сделана приписка соседки или дальней родственницы Татьяны Уваровой, Прасковьи Петрыкиной, обращавшейся к своему сыну Григорию Лукьяновичу с пожеланием здоровья и с сообщением о рождении в Смоленске двух младенцев Петрякиных, которым, однако, не суждено было пережить перипетии осады.⁸

Родственница Татьяны, Анастасия Уварова писала письмо своему мужу Матвею Романовичу Уварову примерно в это же время – она также сообщала о том, что находится в осажденном уже четвертую неделю Смоленске, куда также не успела завезти провизию из своего поместья. Она надеялась еще, однако, поместьем воспользоваться и сообщала мужу о своем волнении в связи с тем, что не знает, сколько на господском поле посеяно ржи, «да что и дома деятца, и таво не ведем». Анастасия Уварова не построила в городе двора и, вероятно, вынуждена была поселиться у родственников. Она успокаивала мужа тем, что их сын Никифор учится грамоте по «часам», т. е. по Часослову. Находившийся долгое время в походе муж просил у нее денег, но взять их А. Уваровой было в сложившихся обстоятельствах негде.⁹

Многие женщины оставались в монастырях Смоленска и его округи. Среди документов, связанных со Смоленском Смутного времени – приходная книга Болдина Дорогобужского монастыря, составленная еще в конце XVI в. Там упоминается княгиня Домникея (Домна), жена князя Андрея Дмитриевича Звенигородского, помещенная в монастырь вместе с сыном; отправленный в 1594 г. в посольство в Грузию и Персию князь А. Д. Спячий-Звенигородский оставил им на прокорм 10

---

⁸ Письмо Татьяны Уваровой своему сыну Игнатию Андреевичу Уварову с припиской от Прасковьи Петрыкиной своему сыну Григорию Леонтьевичу Петрыкину из осажденного Смоленска о семейных событиях. 1609 октября (?) // Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее в сносках СПбИИ). Кол. 124. Оп. 1. Д. 383.

⁹ Письмо Анастасии Уваровой своему мужу Матвею Романовичу Уварову из Смоленска с сообщением о жизни в осажденном городе. 1609 октября после 1 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 408.

рублей; вскоре княгиня умерла и князь пожаловал монастырю еще 50 рублей на сорокоуст по княгине Доминикее.¹⁰

Многие смоленские служилые люди принимали участие в военных действиях, равно как и в других политических событиях Смуты. После вступления в Московское государство войск короля Сигизмунда III жены ушедших на войну дворян вынуждены были бежать в Смоленск, под защиту крепостных стен. Так, своего мужа Воина Лукьяновича Корсакова ожидала в Смоленске Авдотья Корсакова. В. Л. Корсаков, по ее сведениям, шел в королевский лагерь под Смоленск вместе с посольством кн. В. В. Голицына и митрополита Филарета и другими послами.¹¹ Другие одинокие женщины, оказавшиеся в условиях длительной осады часто бывали беззащитны перед насилием: Александра Кузьмина дочь, жена Ильи Бердяева, жаловалась смоленским воеводам, что брянский сын боярский Иван Салов похвалялся расправиться с ней и ее людьми.¹²

Количество беззащитных, не имеющих имущества женщин в осажденном Смоленске было значительным; они не служили, не имели имущества, но только являлись потребителями скудеющих запасов питания. К примеру, у дворянки Авдотьи Мещериновой по переписи 1610 г. оставалось в запасах полосьмины овса, ее семья состояла из 7 человек, из которых никто не служил.¹³ Жена Гаврилы Якушкина Матрена по воеводскому наказу от 13 августа 1610 года должна была по росписи получить осьмину хлеба среди других оказавшихся в Смоленске вяземских и дорогобужских служилых людей.¹⁴ Из Дорогобужа в Смоленск пришла вдова Василиса Соколова, чьи дети погибли на царской службе. В Смоленске она подала властям челобитную о даче хлеба

---

¹⁰ Приходная книга Болдина Дорогобужского монастыря. 1597 сентября 8 –августа 30. // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 145.

¹¹ Письмо Воина Лукьянова сына Корсакова из-под Волоколамска своей жене Авдотье Федоровне в Смоленск с известием о том, что он идет к Смоленску с кн. В. В. Голицыным. 1610 после августа // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 426.

¹² Явочная челобитная Александры, жены Ильи Бердяева на брянского сына боярского Ивана Лукьянова сына Сапова, угрожающего ей расправой. 1611 января 16 // СПбИИ. Кол. 174. Оп. 2. Д. 505.

¹³ Роспись хлебных запасов смоленских служилых людей и других жителей. 1610 марта 24 // ПОС. № 243. С. 197–201.

¹⁴ Память смоленских воевод М. Б. Шеина и кн. П. И. Горчакова житничному подьячему Василию Ильину и целовальнику Трофиму Федорову о раздаче хлеба вяземским и дорогобужским детям боярским и роспись хлебной раздачи. 1610 августа 13 // ПОС. № 249. С. 213–214. Роспись хлебной раздачи вяземским детям боярским. 1611 января 11 // ПОС. № 255. С. 224–225.

– фактически о взятии на содержание, в вознаграждение за службу своих погибших сыновей.¹⁵

Накануне особенно острых дней осады города, 10 ноября 1609 г., в Смоленске был задержан крестьянин Иван Уваров. По его словам, после разгрома литовцами его родной деревни Ягори, он с товарищами ушел в леса, потеряв жену. По его словам, через какое-то время другой крестьянин рассказал ему, что встретил его жену в осажденном литовцами Смоленске. После этого они вместе пришли в ближайшие окрестности Смоленска и во время вылазки сумели пробраться в город. Смоленские власти инициировали следствие, во время которого на Ивана Уварова дали показания, что, когда началась осада города, тот отказался идти под защиту стен Смоленска и сбежал. Иван оказался заподозренным в шпионаже. Но его жена Агафья, найденная властями в Смоленске, показала, что ее муж, Иван Уваров, живший вместе с ней близ городской стены, отказался уйти в Смоленскую крепость, но ушел к себе в деревню, отпустив ее в город.¹⁶ Власти освободили Ивана Уварова благодаря показаниям его жены. Такие действия были сочтены нормальными: предпочтение родной деревни семейной жизни и отказ от совместной жизни с женой в силу политических обстоятельств (осады).

В осажденном Смоленске продолжалась экономическая жизнь, пусть и со всеми особенностями мобилизационных мероприятий. Женщины в осажденном Смоленске были активными участницами кредитных процессов. В 1609 г. Екатерина Кондратьева вместе со своим отцом Василием взяла в долг деньги у Ивана Михайлова. К 1610 г. Иван умер, и его мать не возвращала кабалу (видимо, частично или полностью погашенную) Екатерине с отцом. Они били челом воеводам и 28 февраля 1610 года по приказу воевод М. Б. Шеина и П. И. Горчакова были отпущены.¹⁷ Другая смолянка Мария Наумова, по прозвищу Любка, била челом на посадского человека Андрея Глядова, который пытался насильно записать ее к себе в вечное холопство, тогда как она всего лишь работала у Глядова три урочных года.¹⁸

Дела об ограблениях занимают большое место в документах Смоленского архива. Жену Федора Самарина Марию в 1609 г. неизвестные

¹⁵ Челобитная Василисы, вдовы Ивана Соколова, вышедшей в Смоленск с семьей из Дорогобужа, о даче жалованья. 1609/10 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 418.

¹⁶ Расспросные речи в Смоленской приказной избе крестьян, пришедшего из Смоленского уезда, скрывавшегося от литовских людей и его товарищей, живших в Смоленске. 1609 ноября 10 // ПОС. № 75. С. 43.

¹⁷ Дело по челобитной Василия Кондратьева, человека Ивана Михайлова сына Зубова, изгнанного вместе с дочерью Катериной после смерти господина со двора матерью И. М. Зубова Матреной. 1611 января // ПОС. № 221. С. 128–129.

¹⁸ Дело по челобитной Марьи Наумовой на посадского человека Андрея Глядова о принуждении ее к холопству. 1611 мая // ПОС. № 226. С. 132–134.

обокрали ночью, забрав все, что могли унести.¹⁹ Очень часто источники фиксируют самые острые конфликты среди осажденных смолян. По словам отставного стрельца Федора Иванова, жена дворянина Степана Миткова Фетинья вместе со своими людьми обокрала его и угрожала его убить.²⁰ Екатерина, жена Андрея Полтева, была обвинена в краже, причем на ее дворе были найдены «поличные» (вещественные доказательства) – голова и мясо коровы, ей не принадлежавшие. На суде Екатерина утверждала, что не знала, чья это корова, та просто забрела к ней во двор.²¹ Жена стрельца Григория Холмитинова Ждана поссорилась с жившим в Смоленске вяземским посадским человеком Трофимом Чамовым. Во время ссоры она его избила, нанеся увечье, после чего тот бил на нее челом воеводам. В свое оправдание Ждана отвечала, что избитый ею Трофим украл ее зипун, какой-то ребенок дал ей об этом знать, она ударила вора и забрала свой зипун.²² Старица Пятницкого девичьего монастыря Алена обвиняла и разбиралась судебным путем с попом пригородного села Ухینی Василием Алексеевым, которого считала виновным в краже ее имущества со взломом сундука. Поп же считал, что старица Алена ябедничает на него.²³

Встречаются женщины и среди смоленского преступного мира. Довольно частым преступлением в XVI–XVII вв. было ограбление слугами своих господ. Девка Мария Климова дочь по прозвищу Смуренка, служившая по кабале Акусье Норманской, обокрала свою хозяйку на последней неделе перед рождеством в 1610 году, бежав и унеся с собой украшения, дорогую одежду и деньги.²⁴

История смоленских «тюремных сидельцев» хорошо известна: после публикации Ю. В. Готье. На этот документ обратил внимание его ученик В. П. Мальцев.²⁵ Среди умерших в голодный апрель 1610 г. смо-

¹⁹ Дело по челобитной Марфы, жены Федора Самарина, на стрельца Максима Антипина в краденном у нее имуществе. 1610 февраля 9 // ПОС. № 116. С. 68–69.

²⁰ Явочная челобитная отставного стрельца приказа Федора Зубова Федора Иванова сына Лучанина Ветошкина на вдову Степана Миткова Фетинью и ее людей, ограбивших его и угрожающих смертью. 1610 ноября 8 // СПБИИ. Кол. 174. Оп. 2. Д. 491.

²¹ Дело по челобитной Марфы...

²² Дело об увечье вязьмитина Трофима Чамова Жданкой, женой стрельца Григория Холмитинова. 1610 августа 13 // ПОС. № 152. С. 88.

²³ Дело по челобитной старицы Пятницкого девичьего монастыря Елены на священника Никольской церкви села Ухینی Василия Алексева в краже у нее имущества из сундука. 1610 января 7 – февраля 22 // ПОС. №101. С. 55–60.

²⁴ Явочная челобитная стрельца приказа Василия Чихачева Сеньки Игумнова на стрельца того же приказа Митьку Иванова сына Сапожника, угрожающего ему смертью за ранее данные показания. 1610 декабря 25 // СПБИИ. Кол. 174. Оп. 2. Д. 496.

²⁵ Мальцев В. П. Записки о смерти «тюремных сидельцев» в смоленских тюрьмах в 1609–1610 гг. // Исторический архив. 1960. № 5. С. 129–139.

ленских заключенных значилась и Зина Фролова, сидевшая в тюрьме за убийство своего мужа.²⁶

Как и многие мужчины, женщины пытались бежать из осажденного города в королевский лагерь. Мария, жена стрельца Ивана Подтопкина, вместе со своей служащей женкой Катериной пыталась сбежать из города. Их разговор о планах побега был подслушан крестьянином Матвеем Трофимовым, женщины были задержаны и подверглись пыткам. На пытке они сознались в желании сбежать и, видимо, были посажены в тюрьму.²⁷

Выше речь шла о женщинах, остававшихся (некоторые – до поры до времени) в осажденном Смоленске. Но многие смолянки оказались и во враждебном лагере. Предстоит еще оценить, с какой интенсивностью смоленские дворяне переходили на сторону короля Сигизмунда; однако для служилого человека такая политическая мобильность была значительно проще. Его жене, дочери или матери было совершенно невозможно самостоятельно, бросив кормильца, покинуть свой лагерь и перейти к политическим противникам. Полагаю, что многие женщины не могли быть до конца уверены, какому государю в настоящий момент служит их сын, муж или брат. Акты пожалований короля Сигизмунда и его сына, нареченного царя Владислава, хорошо сохранились и опубликованы.²⁸ В них встречается множество имен женщин и Смоленска, и «тянущих» к Смоленску городов – Рославля, Вязьмы, Дорогобужа, Серпейска и Брянска. Самое раннее королевское пожалование женщине относится к 24 мая 1610 г. Пелагея, жена рославльского сына боярского Первого Боборыкова с дочерьми добилась выделения ей мужнина поместья в Рославльском уезде.²⁹ Однако 7 декабря 1610 г. это поместье было передано брату Первого, Никите Бобарыкову, который «мает с того кормить жену его и трех дочек, а коли лет дорастут, дочек замуж выдать».³⁰ В новгородских материалах 1611–1617 гг. такое пожалование именовалось «в пожить», оно предполагало обременение в виде пожизненного обеспечения женщин и несовершеннолетних, прежних владельцев поместья.

²⁶ Запись о смерти тюремных сидельцев. 1610 апреля 13 // ПОС. № 131. С. 76.

²⁷ Дело по извету крестьянина Матвея Трофимова на стрелецкую жену Марью и крестьянскую жену Катерину, намеревавшихся бежать из Смоленска. 1610 июля 31 // ПОС. № 145. С. 84–85.

²⁸ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава, на Московский престол. 1610–1612 // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851 (далее в сносках АЗР). С. 320–427.

²⁹ АЗР. С. 333. № 97.

³⁰ АЗР. С. 394–395. № 685.

Напротив, по королевскому приговору, присягнувшие Сигизмунду дворяне лишали поместий женщин. Так, 2 июня 1610 г. король пожаловал Федору и Юрию Тимофеевым, детям Смирного Курбатова, поместье в Рославльском уезде. Братья Курбатовы, допрошенные ранее в королевском лагере, жаловались на жену рославльца Артемия Маслова, выпросившую себе и своим детям их родовое поместье.³¹ В тот же день грамоту на поместье в Рославльском же уезде получили помещики Алексей Саврасов с сыновьями Афанасием и Степаном: по их словам, вдова Андрея Маслова также завладела их родовым поместьем.³² Оба Маслова, по словам челобитчиков Курбатовых и Саврасовых, служили в тот момент царю Василию (напомню, что до Клушинской битвы оставалась еще 8 дней). Однако тогда же, 2 июня, поместье рославльца Никиты Ивановича Исупова король утвердил за его женой Марией, невесткой Марией же, тремя внучками Федорой, Татьяной и Ориной и их внуком Ивашкой.³³ Видимо, 2 июня было днем больших раздач, потому что тогда же еще одной рославльской вдове Анне, жене Игнатия Челюсткина с сыновьями и дочерьми была пожалована вотчина свекра в Брянском уезде; у одной из дочерей, Софии Игнатьевны, муж был взят в плен войсками Тушинского вора и увезен в Калугу. Его брат Лев Челюсткин прибыл в то время из Почепа в королевский лагерь, в связи с чем, вероятно, и было сделано это пожалованье.³⁴

В королевском лагере под Смоленском установился, во всяком случае, к осени 1610 г. достаточно правильный порядок пожалования поместий вдовам погибших служилых людей. Они, потеряв кормильца, подавали королю челобитную, в которой указывали причину челобитья (гибель или смерть мужа), размер его оклада, состав семьи и, чаще всего, конкретное поместье (чаще всего – ранее принадлежавшее мужу), на которое челобитчица претендовала. Так, 20 сентября 1610 г. король пожаловал «боярце з Рославля» Авдотье, вдове Василия Рыкова, с тремя сыновьями и тремя дочерьми поместье ее мужа.³⁵ Однако 1 декабря 1610 г. королевский лист на мужнино поместье получила другая рославльская помещица, вдова Ждана Рыкова с двумя сыновьями и дочерью. Ранее Василий Рыков, ее «пасерб»³⁶, выделил ей часть своего поместья. Ждана Рыкова получала прожиточное поместье, «мает она тое поместье держати на поживенье себе и детям, покуль дети доростут

---

³¹ АЗР. С. 334. № 105.

³² АЗР. С. 334. № 108.

³³ АЗР. С. 334. № 109.

³⁴ АЗР. С. 335. № 111.

³⁵ АЗР. С. 349. № 254.

³⁶ Т.е. пасынок, слово, не встречающееся в московской деловой письменности, но хорошо объясняющееся из современного украинского языка.

и пасербицу свою Василису замуж выдаст; а коли сыны лет доростут, мают с того служити».³⁷ Такое же прожиточное поместье смоленской вдове Екатерине, жене Григория Верещагина, было выделено 1 декабря 1619 г.³⁸

28 сентября 1610 г. король пожаловал вотчину вдове княгине Соломониде (имя мужа неизвестно).³⁹ Поместье умершего (или погибшего) Парфения Булычева в Смоленском уезде было 22 октября передано его вдове Орине с сыном Ильей.⁴⁰ 1 декабря 1610 г. еще одна рославльская помещица, вдова Ивана Шугурова Анна с дочерью Евфимией, получила королевский лист⁴¹ на бывшее поместье ее мужа.⁴²

Опять-таки, поместья сидевших в осажденном Смоленске женщин раздавались новым претендентам. 27 октября сельцо Пятница, принадлежавшее Малее Тоболину, было пожаловано Ивану Коробанову, «а того Тоболина не стало, а жона его в осаде сидит».⁴³ Подчас новые претенденты спрашивали у короля поместье осажденных, указывая на свое родство или свойство с прежним владельцем. Так, присягнувший королю смолянин Семен Воинов сын Дивов 5 декабря 1610 г. получил небольшое поместье своей тещи Авдотьи, жены Карпа Мокшеева, причем он просил об этом поместье, «докуль теща его з осады выйдет з Смоленского замку; а за выходом ее, тот жеребей мает быти на прожиток ей, по-старому».⁴⁴ Таким образом, король, жалуя такое поместье во временное владение, не отказывался от патерналистской роли защитника вдов и сирот, но просто передавал приносящее доход владение своему (или своего сына) новому подданному, пока не образумится его теща, которая в любом случае не могла контролировать поместье из осажденного города.

Похожий случай «восстановления справедливости» произошел при пожаловании 16 ноября 1610 г. поместья вдове Дарье, жене Ивана Палицына, в Вяземском уезде. Ранее она получила (вероятно, при Борисе Годунове или при Первом Самозванце) триста четвертей из поместья мужа; однако, по тексту ее челобитной, «князь Василий Шуйский взял у нее двесте четвертей и отдал Михайлу Вельяминову, и то ей привернуто».⁴⁵ Разумеется, элемент политического доноса присутствовал в

³⁷ АЗР. С. 390. № 626.

³⁸ АЗР. С. 390. № 632.

³⁹ АЗР. С. 354. № 306.

⁴⁰ АЗР. С. 363. № 407.

⁴¹ Так стали называть этот тип документа в королевском лагере под Смоленском; в московской и новгородской терминологии того времени – отдельную грамоту.

⁴² АЗР. С. 390. № 625.

⁴³ АЗР. С. 365. № 424

⁴⁴ АЗР. С. 392. № 659

⁴⁵ АЗР. С. 376. № 509.

челобитной вдовы, требовавшей возврата отнятой части поместья и преуспевшей в этом; впрочем, в годы Смуты это было обычной практикой.⁴⁶

После первых королевских пожалований, которые делались, видимо, часто без справок и по первому требованию, наступила реакция пострадавших на совершенные несправедливости и злоупотребления. 4 декабря 1610 г. брянской помещице вдове Агафье Мясоедовой с детьми королевским листом было возвращено поместье, прежде «несправедливо» переданное Ивану Щербову и братьям Зубовым.⁴⁷ В ряде случаев помещицы просто прибегали к авторитету нового центра власти – королевского лагеря, для подтверждения прежнего земельного пожалования, как вдова – рославльская помещица Пелагея Скалозубова с сыновьями.⁴⁸

Подводя итог, хочу отметить, что смоленские материалы дают достаточно однородную картину «женской истории». Смоленки 1609–1611 гг. оказались в состоянии гораздо более острого кризиса, нежели жительницы Новгорода; необходимость выбора, стоявшая перед ними, была гораздо более острой. Те, кто находился в осаде, должны были, используя минимальные свои ресурсы, дожидаться разрешения противостояния; они часто были отрезаны от мужей, находившихся в дальних походах, и полностью отрезаны от источников существования за пределами Смоленска. Особенно тяжела эта ситуация была для тех, кто основывал свое хозяйство на поместьях – для жен и матерей служилых людей, помещиков. Посадские «жонки» были гораздо более мобильны: их жизненный уклад не так серьезно изменила осада; однако мобилизационные мероприятия воеводы М. Б. Шеина коснулись в конечном итоге всех жителей и жительниц осажденного города. Смоленки, оказавшиеся (оставшиеся) за городскими стенами, следовали менее напряженной, скорее – традиционной для московской жизни модели поведения; во всяком случае, их стратегии борьбы за поместье, за свой прожиток перед новыми властями были чрезвычайно похожи на те, что использовались в других районах Московского государства.

Источники

АЗР = Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851.

ПОС = Памятники обороны Смоленска. М., 1912.

---

⁴⁶ Селин А.А. Об «изменах» в Новгороде 1611–1616 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1 (11). С. 5–13.

⁴⁷ АЗР. С. 391. № 647.

⁴⁸ АЗР. С. 395. № 686.

СПбИИ = Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН.
RA. NOA = Riksarkivet. Ockupationsarkivet från Novgorod.

Литература

- Демин А. С. 1964. «Вопросы изучения русских письменников XV–XVII вв. (из истории взаимодействий литературы и документальной письменности)». *Труды Отдела древнерусской литературы Института русского языка и литературы АН СССР*. Т. 20, 90–99.
- Лёфstrand Э. 2003. «Женские судьбы Смутного времени». *Альманах «Чело»*. В. Новгород, 1: 69–75.
- Мальцев В. П. 1960. «Записки о смерти «тюремных сидельцев» в смоленских тюрьмах в 1609–1610 гг.». *Исторический архив* 5: 129–139.
- Молочников А. М. 2016. «Осадные сиделицы: женщины в Смоленской обороне 1609–1611 годов». *Valla. Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований*. Т. 2., 3: 68–75.
- Селин А. А. 2003. «Об «изменах» в Новгороде 1611–1616 гг.». *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 1 (11): 5–13.